
Правящая бюрократия и высшее образование в России в середине 1870-х гг.

Андрей Мамонов

The ruling bureaucracy and higher education in Russia in the mid-1870s

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Бурное развитие высшего образования в пореформенной России во многом являлось следствием и важным элементом преобразований, осуществлённых самодержавием в конце 1850-х — первой половине 1860-х гг., и вместе с тем — фактором, оказывавшим заметное влияние на правительственную политику — студенческие беспорядки, а иногда и профессорские теории и споры не раз вызывали резонанс не только в широких слоях общества, но и в правящих кругах¹. Не удивительно, что деятельность Министерства народного просвещения и проводившиеся в учебном ведомстве реформы и контрреформы неизменно привлекали внимание исследователей².

Вместе с тем, несмотря на огромное количество источников, выявленных и изученных историками, в работах и дореволюционных, и советских, и последующих лет довольно глухо и бегло говорилось о том, кем, зачем и как был инициирован пересмотр университетского устава 1863 г., начатый ещё в царствование Александра II, а завершившийся в 1884 г. первой «контрреформой» Александра III. С.В. Рождественский писал, что «как и в 50-х годах, при А.С. Норове и Е.П. Ковалевском, так теперь при графе [Д.А.] Толстом, поводом к пересмотру общеуниверситетского устава явилось обсуждение мер для водворения порядка и дисциплины среди учащихся». И если в 1866—1869 гг. речь шла только о разработке, ужесточении и единообразии дисциплинарных норм («Правила о надзоре за студентами вне стен университета и воспитанниками высших учебных заведений разных ведомств» 1867 г. и т.п.), то «в конце 1874 г.

© 2017 г. А.В. Мамонов

¹О том, как это происходило в конце XIX в., см.: *Иванов А.Е.* Университетская политика царского правительства накануне революции 1905—1907 годов // *Отечественная история.* 1995. № 6; *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой—весной 1899 года // *Российская история.* 2012. № 1.

²*Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970; *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976; *Щетинина Г.И.* Идеиная жизнь русской интеллигенции: конец XIX — начало XX в. М., 1995; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993; *Эймонтова Р.Г.* Идеи Просвещения в обновляющейся России (50—60-е годы XIX века). М., 1998; *Стафёрова Е.Л.* А.В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007; *Иванов А.Е.* Российские императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы — начало XX века) // *Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы).* М., 2012.

для коренного исследования вопроса о студенческих беспорядках было вновь образовано особое совещание министров под председательством статс-секретаря Валуева, которое указало главные причины студенческих волнений во внутренней организации университетов, признало общую их реформу предметом несомненной потребности и предложило следующие начала для этой реформы: 1) ограничение автономии профессорских коллегий, с изъятием из их ведения административно-полицейских обязанностей; 2) установление нового порядка назначения профессоров; 3) усиление правительственного контроля за преподаванием; 4) ограничение излишнего притока мало подготовленных и материально необеспеченных слушателей». При этом чуть дальше говорилось, что «когда в 1874 г. совещание министров под председательством П.А. Валуева высказало мнение о необходимости пересмотра действующего устава университетов, это дело уже было в ходу» – 12 августа 1872 г. министр народного просвещения гр. Д.А. Толстой даже известил о соответствующих планах попечителей и университетские советы, предложив им представить свои соображения о желательных изменениях³.

Тут, возможно, Рождественский находился под влиянием А.И. Георгиевского – одного из ближайших и хорошо осведомлённых сотрудников гр. Д.А. Толстого и И.Д. Делянова. В 1890 г., подробно изложив рекомендации Особого совещания, содержащиеся в докладе Валуева и утверждённые Александром II, Георгиевский решительно заявлял, что «практических последствий эти предначертания правительства не имели, дело же о пересмотре университетского устава шло своим порядком»⁴. Столь авторитетное свидетельство, конечно, следовало учитывать, даже несмотря на то, что Александр Иванович не пояснял, когда и кем это «дело» было приведено в движение. Позднее П.А. Зайончковский связывал начало разработки университетской контрреформы с Деляновской комиссией, образованной в апреле 1875 г.⁵ Г.И. Щетинина, несколько раз упомянув об Особом совещании 1874 г. и цитируя валуевский доклад, ограничилась заключением: «Правительство рассматривало устав 1863 г. как уступку, тем более нежелательную, что с его помощью прекратить студенческие “беспорядки” не удалось»⁶. Р.Г. Эймонтова полагала, что «участь университетов была решена» уже в 1866 г. при назначении гр. Толстого министром народного просвещения. Говоря же о её обсуждении в конце 1874 г., исследовательница опиралась исключительно на сведения, приведённые Рождественским⁷. По словам В.Л. Степанова, «Толстого не покидала мысль об отмене либерального устава 1863 г.», поскольку «он считал, что “слишком серьёзная автономия” вредна не только в административном, но и в научном отношении»⁸. Подобное отношение вполне могло объяснить создание Деляновской комиссии и её проекты. А споры, происходившие в 1874 г., в полном соответствии с указаниями Георгиевского, теряли в таком случае всякое значение.

Между тем в ходе совещаний в 1874 г. руководители практически всех ведомств так или иначе выразили свои представления о состоянии и задачах

³ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 499–503.

⁴ *Георгиевский А.И.* Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 7–11.

⁵ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 317–318.

⁶ *Щетинина Г.И.* Университеты в России... С. 55, 63, 68.

⁷ *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы... С. 246–247.

⁸ *Степанов В.Л.* Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. Сборник статей. М., 1997. С. 255.

высшего образования в России. И если этот обмен мнениями и не привёл к незамедлительному изменению политики, то отчётливо показал, к чему стремились, чем тяготились и чего опасались те, кто управлял тогда учебными заведениями и в известной мере определял их судьбу⁹. Однако чтобы лучше понять их позиции, следует учесть не только итоговый всеподданнейший доклад Валуева о декабрьском Особом совещании 1874 г., но и сохранившиеся протоколы заседаний, дневниковые записи и письма их участников, а также предысторию и контекст этой правительственной дискуссии.

Изначально она являлась лишь частью острого противоборства, развернувшегося в правящих кругах империи. В начале 1870-х гг. шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной е.и.в. канцелярии гр. П.А. Шувалов, с 1866 г. считавшийся наиболее близким и влиятельным советником Александра II, оказался втянут в конфликт с царской любовницей княжной Е.М. Долгоруковой¹⁰. Видя, что его личные отношения с императором становятся всё сложнее и напряжённее, граф заметно активизировал политическую деятельность, стремясь поскорее избавиться от своих оппонентов в правительстве и инициировать такие преобразования, которые сделали бы его незаменимым для монарха. В апреле 1872 г. Шувалову удалось провести в министры государственных имуществ П.А. Валуева, сорвав уже практически подготовленное назначение на этот пост кн. Д.А. Оболенского, враждебно относившегося к главе жандармского ведомства¹¹.

Вступив в новую должность, Валуев явно решил при содействии гр. Шувалова взять реванш за все неудачи, огорчения и разочарования, испытанные в 1861–1868 гг., когда он возглавлял МВД. Учреждённая уже в мае 1872 г. под его председательством Комиссия «для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России» (более известная как Валуевская комиссия) готовила почву для пересмотра излишне

⁹ В середине 1870-х гг. собственные высшие учебные заведения имелись почти во всех ведомствах. Так, под управлением Министерства народного просвещения помимо восьми университетов, пользовавшихся с 1863 г. широкой автономией, находились Цесаревича Николая (в Москве), Демидовский юридический (в Ярославле) и Нежинский кн. Безбородко лицеи, Лазаревский институт восточных языков, Императорский историко-филологический в Санкт-Петербурге, Сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии (в Люблинском губ.), Дерптский, Казанский и Харьковский ветеринарные институты. Святейший Синод управлял четырьмя духовными академиями, Военное министерство – Николаевской академией Генерального штаба, а также Николаевской инженерной, Михайловской артиллерийской, Медико-хирургической и Военно-юридической академиями, Министерство государственных имуществ – Земледельческим и Горным (с 1873 г.) институтами в Петербурге и Петровской земледельческой и лесной академией в Москве, Министерство финансов – Санкт-Петербургским практическим технологическим институтом и Рижским политехническим училищем, Министерство путей сообщения (МПС) – Институтом инженеров путей сообщения, Министерство юстиции – Училищем правоведения и Константиновским межевым институтом, IV отделение Собственной е.и.в. канцелярии – императорским Александровским лицеем и Московским техническим училищем, Министерство императорского двора – Академией художеств, МВД – Петербургской и Московской консерваториями Императорского русского музыкального общества, а также Римско-католической духовной академией и Строительным училищем в Петербурге. Кроме того, имелось Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД. Подробнее см.: ПСЗ-II. Т. 49. Отд. 3. СПб., 1876. С. 3; *Дальман С.В.* Развитие системы управления народным образованием в России во второй половине XIX века. СПб., 2007. О последующем развитии высшего образования см.: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.

¹⁰ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 19, л. 77–80.

¹¹Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Под ред. В.Г. Чернухи. СПб., 2005. С. 300–304.

прокрестьянской, или «мужигофильской», как выражался Пётр Александрович, аграрной политики 1860-х гг.¹² Выдвинутое Шуваловым и Валуевым 27 ноября 1873 г. в Комитете министров предложение привлечь депутатов дворянства и земства к дальнейшему рассмотрению разработок Комиссии напоминало о безуспешной попытке министра внутренних дел в 1863 г. убедить царя создать Съезд государственных гласных, который выражал бы интересы «средних землевладельцев» и усиливал противников либеральной бюрократии в правительстве¹³.

Однако и в 1873 г. инициатива гр. Шувалова и Валуева фактически провалилась, натолкнувшись на сопротивление военного министра Д.А. Милютин, министра финансов М.Х. Рейтерна и председателя Комитета министров П.Н. Игнатьева. Более того, к концу года стало очевидным, что шеф жандармов и его союзники (включая фельдмаршалов кн. А.И. Барятинского и гр. Ф.Ф. Берга, великих князей Николая и Михаила Николаевичей и др.) потерпели крупное поражение в борьбе с Военным министерством, руководство которого сумело отстоять свою концепцию организации армии и введения всеобщей воинской повинности¹⁴. К тому же приближавшееся лишение дворянства последней (и едва ли не наиболее значимой) привилегии резко контрастировало с теми идеями, которые с 1866 г. декларировались Шуваловым. В этих условиях ему необходимо было убедительно и эффектно продемонстрировать всю силу своего влияния и приверженность императора «охранительному» курсу. Свидетельствовать об этом и должны были распоряжения по учебному ведомству.

21 декабря 1873 г. на заседании Совета министров Александр II, вопреки мнениям сына – наследника престола вел. кн. Александра Александровича, брата – председателя Государственного совета вел. кн. Константина Николаевича, а также канцлера кн. А.М. Горчакова, П.Н. Игнатьева, гр. С.Г. Строганова и др., решительно одобрил предложенный гр. Шуваловым проект рескрипта на имя министра народного просвещения. В этом документе, опубликованном 26 декабря – буквально за несколько дней до манифеста о военной реформе, царь высоко оценивал заслуги дворянства и поручал ему ближайшее заведение народными школами. При этом – в разрез с первоначальными предположениями гр. Толстого и до рассмотрения в Государственном совете уже внесённого им законопроекта – предводители дворянства делались по должности председателями губернских и уездных училищных советов. Практического смысла данная мера не имела, но она была принята в столь драматичной обстановке, что не могла не обратить на себя внимание общества и, естественно, вызвала пересуды, ради которых, видимо, и задумывалась¹⁵.

¹² Подробнее см.: *Серодонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1902. С. 92–108; *Чернуха В.Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Л., 1972. С. 152–164; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 266–275.

¹³ *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания / Под ред. К.А. Соловьёва. М., 2016. С. 260–265; *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2008. С. 58, 246–250; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 79–115.

¹⁴ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2006. С. 574–604; *Милютин Д.А.* Дневник... С. 21–76, 371–378; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 288–331.

¹⁵ *Милютин Д.А.* Дневник... С. 69–76, 259–260; Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 2. М., 1961. С. 284–288; Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 345–346.

Гораздо более серьёзные последствия могло иметь, на первый взгляд, совершенно частное решение Александра II вывести Медико-хирургическую академию (МХА) из подчинения военному начальству и передать её в ведение Министерства народного просвещения, преобразовав в медицинский факультет Петербургского университета. К такому шагу императора подталкивали с начала осени 1873 г., с 14 декабря он то говорил о данном деле как о предпринятом, то заявлял, «что вовсе не настаивает на этой передаче, а желает только, чтобы поставленный им вопрос был обсуждён в подробности»¹⁶. Однако обсуждение могло привести лишь к констатации принципиального разногласия: ни сановники, ни профессора (включая близких ко Двору врачей и акушеров) не могли договориться о том, как следует поступить. Ситуация ещё более осложнялась (а отчасти и объяснялась) тем, что в случае переподчинения академии гр. Толстому военный министр собирался подать в отставку. Милютин, похоже, допускал, что успешное завершение работы над Уставом о воинской повинности, утверждённым 1 января 1874 г., окажется пирровой победой и применять новый закон на практике будут совсем другие люди (как это произошло прежде с крестьянской и судебной реформами)¹⁷.

В этой достаточно напряжённой обстановке осенью 1873 г. в Ливадии Валуев в разговоре с императором коснулся «общего вопроса о современном строе наших высших училищ»¹⁸. Вернувшись в Петербург, Александр II собрал 14 декабря «особое совещание из тех министров, в ведении которых состоят учебные заведения». Незадолго до этого, во время доклада военного министра, он прямо «выразил требование, чтобы все ведомства в своих распоряжениях по учебной части сообразовались с общей установленной учебной системой». Но на самом заседании (в котором, помимо гр. Толстого, Валуева, Милютина, Рейтерна, министра путей сообщения гр. А.П. Бобринского и управляющего Морским министерством Н.К. Краббе, участвовали гр. Шувалов, министр внутренних дел А.Е. Тимашев, наследник цесаревич, вел. кн. Константин Николаевич, принц П.Г. Ольденбургский, товарищ министра народного просвещения И.Д. Делянов, главный начальник военно-учебных заведений Н.В. Исаков и главный военно-медицинский инспектор Н.И. Козлов) речь шла исключительно о положении МХА. На следующий день император вновь говорил о «необходимости единства в направлении учебной части»¹⁹. При этом рассмотрение «общего вопроса» ещё до 14 декабря было возложено на более узкое Особое совещание, образованное под председательством Валуева из Рейтерна и графов Бобринского и Толстого²⁰. Отсутствие в его составе Милютина выразительно указывало на то, как виделась тогда перспектива борьбы за МХА²¹.

Однако, согласно официальному журналу заседаний, «за постоянным обременением другими делами министров народного просвещения, финансов и путей сообщения» сформированное по Высочайшему повелению в декабре 1873 г. Особое совещание Валуев, которому «надлежало быть старшим членом», смог собрать только в конце апреля 1874 г.²² За это время многое изменилось. Первая

¹⁶ Милютин Д.А. Дневник... С. 49, 61–68.

¹⁷ Там же. С. 71–72, 121, 270–271.

¹⁸ Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 285.

¹⁹ Милютин Д.А. Дневник... С. 61, 65–67.

²⁰ Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 285.

²¹ Сам Дмитрий Алексеевич 8 января 1874 г. отметил: «По всему видно, что дело уже проиграно» (Милютин Д.А. Дневник... С. 86).

²² РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 559, л. 22, л. 3.

же попытка гр. Толстого наладить сотрудничество с предводителями дворянства, призванными к руководству училищными советами, закончилась резкой размолвкой и взаимными претензиями²³. 19 февраля гр. Шувалов вновь попытался добиться согласия Комитета министров на созыв представителей земства и дворянства и опять потерпел поражение²⁴. Столкновение его ближайшего сторонника гр. Бобринского с Рейтерном из-за нового порядка образования железнодорожных обществ привело к тому, что император уже 17 апреля предлагал К.Н. Посыету возглавить МПС. Тот колебался, и его назначение было отложено до возвращения Александра II из поездки в Лондон и Эмс. По свидетельству барона А.И. Дельвига, «слух об этом разнёсся по всему Петербургу»²⁵. 14 мая в отсутствие царя и сопровождавшего его шефа жандармов Комитет министров при активном участии Валуева, Рейтерна и государственного контролёра С.А. Грейга, к явному раздражению Толстого и удовлетворению Милютина, отложил на неопределённое время обсуждение возможности изменения ведомственной принадлежности МХА²⁶. Всё это не могло не сказываться на совместной работе четырёх министров.

Тем не менее внешне деятельность Особого совещания выглядела довольно внушительно. Были собраны сведения за 1871–1873 гг. по Московскому и Киевскому университетам, Институту инженеров путей сообщения, Технологическому, Горному и Земледельческому институтам и Петровской академии о численности учащихся, окончивших курс, пользующихся стипендиями и пособиями (с указанием сословной принадлежности и предварительного образования), о затратах на одного выпускника в каждом учебном заведении, об условиях платы за обучение, объёме курсов, системе экзаменов, дисциплинарных правилах и проч.²⁷

Судя по вопросам, рассмотренным участниками совещания «в видах установления и дальнейшего соблюдения большего единства в тех общих административных началах, которые могут быть применены к означенным заведениям более или менее одинаково», Валуев пытался наметить круг мер, способных ограничить приток малообеспеченных студентов в университеты и институты. При этом, в отличие от гр. Шувалова, часто заботившегося скорее о публичном эффекте принимаемых распоряжений и персональных перестановках в правительстве, Валуев стремился к пересмотру основных принципов образовательной политики. Состав совещания, казалось, идеально подходил для решения данной задачи – Бобринский и Толстой бравировали аристократическими симпатиями едва ли не больше, чем сам Валуев, а Рейтерн, при всём либерализме своих взглядов, оставался всё же представителем остзейского рыцарства, с его предрассудками и элитарностью. Тем любопытнее, что сановники, видимо, так и не сумев преодолеть глубочайшее взаимное недоверие, ограничились весьма осторожными и расплывчатыми фразами, которые к тому же почти полностью теряли смысл из-за сделанных оговорок.

²³ Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 293–294.

²⁴ Милютин Д.А. Дневник... С. 102–104, 280–281. Подробнее см.: Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма... С. 67–118.

²⁵ Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. М., 2014. С. 1098. См. также: Милютин Д.А. Дневник... С. 126–127, 278–280.

²⁶ Милютин Д.А. Дневник... С. 121–123; Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 310.

²⁷ РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 559, д. 22, л. 3–12. К участию в заседаниях был привлечён Делянов, ставший 1 января 1874 г. членом Государственного совета. Впрочем, журнал совещания он не подписывал (Там же, л. 18–19).

Министры, разумеется, признали желательным уменьшение наплыва учащихся, не имеющих возможности успешно учиться и прежде всего тех, которые, «выйдя из среды, к высшему академическому образованию вообще не призванной, могут впоследствии не найти надлежащего обеспечения в сфере общественной или промышленной деятельности и поступают в высшие учебные заведения только потому, что они рассчитывают на правительственные пособия во время учения, и затем рассчитывают на разные права, приобретаемые прохождением курса». «В особенности» это касалось «таких молодых людей, которые, не имея нравственной опоры в семейном быту, наиболее склонны предаваться тому вредному направлению, которое в настоящее время так часто обнаруживается не только в учебной сфере, но и в сфере литературной и общественной деятельности». «Но, с другой стороны, — тут же оговаривалось в журнале совещания, — нельзя признавать за имущественным достатком исключительной привилегии на высшее образование. Нельзя отказывать в правительственных пособиях молодым людям, которые по способностям и нравственности могут впоследствии быть полезными, и нельзя в особенности отклонять их от таких специальных отраслей знания, которые могут их материально обеспечить и которые у нас вообще до сих пор не распространены в достаточном изобилии»²⁸.

Тем самым льготы и пособия признавались необходимыми, и оставалось только рекомендовать предоставлять их разборчиво. Оптимальным способом поддержки считалась стипендия, «достаточно значительная по своим размерам, чтобы обеспечить быт учащихся». Менее эффективны, но зачастую неизбежны были, по мнению министров, единовременные пособия и освобождение от платы за лекции. Наиболее же неудобным представлялось устройство казённых квартир (на содержание их в приличном виде просто не было средств, и они скорее компрометировали учебные заведения своим состоянием) и общественных столовых. Впрочем, и те и другие имелись только в ведомстве Министерства государственных имуществ, причём в находившейся за городом Петровской академии наличие студенческой столовой сановники сочли оправданным²⁹.

Проблема виделась и в отборе лиц, заслуживающих поощрения. Для этого рекомендовалось усилить контроль за переводными экзаменами и заблаговременно отчислять неуспевающих. Но сам порядок и характер экзаменов изменять не следовало. «Общими условиями всякой экзаменационной системы, — рассуждали в журнале министры, — должны быть, с одной стороны, строгая проверка знаний, с другой — надлежащее ограждение экзаменуемых от случайных неудач по тому или другому отдельному предмету. Общий и окончательный вывод не может зависеть от результатов одного дня, и способности и познания могут быть приблизительно оцениваемы во всё время прохождения курсов в тех учебных заведениях, где введены репетиции (промежуточные испытания, проводившиеся в середине учебного года. — *А.М.*)»³⁰.

Кроме того, участники Особого совещания высказались за ограничение числа вольных слушателей, «менее непосредственно подвергающихся непрерывному наблюдению начальников и преподавателей» и не связанных обязательным посещением занятий и экзаменов. Решая эту задачу,

²⁸ Там же, л. 13–14.

²⁹ Там же, л. 14–16.

³⁰ Там же, л. 14–17.

в Технологическом институте уже заставляли вольнослушателей сдавать экзамены, а в Петровской академии — резко повысили плату. В университетах положение вольнослушателей регулировалось уставом и не могло меняться в административном порядке³¹.

В заключительной части журнала указывалось на важность подбора благонадёжных профессоров, способных вдохновлять студентов на труд, и предписывалось неукоснительное соблюдение «правильных отношений между преподавателями и учащимися и между коллегами преподавателей и высшим начальством заведений». В частности, констатировалось: «Всякое заискивание популярности в среде учащейся молодёжи сопровождается неблагоприятными последствиями. Такие же последствия возникают и от неправильного взгляда преподавателей на меру самостоятельности, им предоставляемой в сфере общего управления заведениями». Поэтому «всякой систематической оппозиции с их стороны надлежит полагать предел», а «прямым представителем общих административных интересов и требований в специальных институтах может быть только то лицо, которое поставлено во главе их под наименованием директора». И соответственно «его значение и влияние должны быть обеспечены по всем делам, которые не имеют чисто педагогического свойства»³². Характерно, что и в данном случае о положении в университетах красноречиво умалчивалось.

25 мая 1874 г. Валуев направил журнал Особого совещания при кратком сопроводительном докладе императору в Эмс. 1 июня Александр II написал на нём сакраментальное «Исполнить»³³. Однако из общих пожеланий министров весьма затруднительно было бы выделить меры, подлежащие исполнению. Меньше всего подписанный ими документ напоминал согласованную программу единой правительственной политики в сфере образования, хотя именно её составления и добивался царь.

О том, насколько сложно было добиться взаимодействия руководителей ведомств, свидетельствует письмо, написанное Валуевым Милютину 26 мая. «Гр. Толстой мне отплатил за предложение по делу Мед[ико-]хир[ургической] академии, — “конфиденциально” сообщал он, — тем, что приказал утопить моего сына на выпускном гимназическом экзамене. Ему сбавили $\frac{1}{3}$ балла по математике и за эту треть не допустили к дальнейшим экзаменам, хотя по двум предшедшим предметам, русскому и латинскому языкам, он имел лишние баллы. Я вовсе не слепой отец и знаю, что мой сын, напрасно рассчитывая на свои способности, в прошлую зиму не работал. Но я знаю и другие стороны дела. Гр. Толстой сетовал на то, что я разрешил ему (Н.П. Валуеву. — *А.М.*) перейти из казённой гимназии в частную, что я заявил о моём намерении отправить его в Лейпцигский университет, а не в здешний и т.п. Мед[ико-]хирургическая академия отозвалась тем, что гр. Толстой даже оставил без ответа записку, с которою я к нему обратился четыре дня тому назад, и дал полную волю гг. Георгиевскому, Яновскому и пр.». Теперь Валуев просил прислать ему «программу экзаменов в военных гимназиях», чтобы понять, потребует ли она дополнительной подготовки от сына, которому «нужен был гимназический аттестат только для поступления с его правами в военную службу вольноопределяющимся,

³¹ Там же, л. 17–19.

³² Там же, л. 18–19.

³³ Там же, л. 3–4.

когда он вернётся из Лейпцига». «Признаюсь, — добавлял огорчённый отец, — на этот раз гр. Толстой превзошёл мои ожидания»³⁴.

Увольнение гр. Шувалова с поста шефа жандармов и его назначение послом в Лондон в июле 1874 г. ещё больше усилили разобщённость правительства. Между тем потребность в координации действий остро ощущалась, в том числе и при управлении высшими учебными заведениями. В октябре 1874 г. об этом напомнили волнения, охватившие МХА, Петербургский университет, Горный и Технологический институты. В начале ноября полицией ожидалась «большая уличная демонстрация» с участием студентов «всех учебных заведений разных ведомств». 3 ноября по инициативе Тимашева у Милютинина состоялось частное совещание, на которое явились гр. Толстой, Валуев, Рейтерн, товарищ шефа жандармов Н.В. Мезенцов, товарищ министра путей сообщения Н.Н. Селифонтов и петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов, сообщивший о встрече вел. кн. Константину Николаевичу. Председатель Государственного совета, судя по записи в дневнике, также «решился туда ехать и наблюдать за этим делом, так как теперь здесь нет ни Государя, ни наследника». Вместе с ним, по его приглашению, прибыл и вел. кн. Николай Николаевич, командовавший тогда войсками гвардии и столичным военным округом³⁵.

Разногласия между собравшимися быстро вылились в «горячие споры»: Валуев и гр. Толстой настаивали на строгости в отношении студентов (хотя, по словам министра народного просвещения, в университете всё было «благополучно и в полном порядке»), а Милютин и вел. кн. Константин Николаевич доказывали, «что правительству надобно прежде всего действовать хладнокровно, спокойно и, главное, справедливо, что к молодёжи следует оказывать некоторое снисхождение и что прибегать к закрытию курсов и целых заведений можно только в крайних случаях». Результат столь представительного двухчасового совещания каждый участник, по-видимому, понимал по-своему. Милютину показалось, что министры «разъехались, не сговорившись и ничего не решив положительно». Вел. кн. Константин Николаевич, напротив, был убеждён, что они «пришли к соглашению, как действовать в случае беспорядков, строгими, но не чрезвычайными мерами», под которыми подразумевались «временное закрытие курсов и рассылка участников беспорядков на родину». Валуев на следующий же день временно закрыл Горный институт и приступил к высылке его иногородних студентов. В Технологическом институте волнения

³⁴ ОР РГБ, ф. 169, к. 59, д. 33, л. 3—4. Программа была доставлена в тот же день, и уже 27 мая Валуев, выяснив, что «все предметы принадлежат к гимназическому курсу и пройдены, кроме начал геометрического черчения», интересовался тем, «можно ли и каким путём можно экзаменоваться теперь, а затем, через два года, поступить [на службу вольноопределяющимся] при том поверочном или повторительном экзамене, который Вами установлен» (там же, л. 5—6). «Правила о военной повинности, устанавливающие 6 месяцев [солдатской службы] для 2-го разряда (т.е. окончивших средние учебные заведения. — А.М.), меня побудили, — писал Валуев, — решиться на посылку моего сына в Лейпциг, по его собственному желанию, чтобы удалиться от петербургских знакомых и развлечений, тем более что при нынешнем быте университета здесь в нём мало приобретает пользы, а менее 6-ти месяцев я считаю состояние в рядах, до офицерства, нелогичным» (там же). Окончание российского университета позволяло сократить срок службы в нижних чинах до 3 месяцев. В Лейпциге Н.П. Валуев провёл около года и уже 29 ноября 1875 г. был зачислен в лейб-гвардии Конный полк, в апреле 1876 г. произведён в унтер-офицеры и только в конце января 1877 г. стал корнетом (Там же, л. 21; Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 323).

³⁵ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 107, л. 87; Милютин Д.А. Дневник... С. 140—141.

продолжались³⁶. В МХА же, как сообщал Милютин царю, уже с 25–28 октября «водворился полный порядок»³⁷.

К моменту возвращения императора из Ливадии волнения прекратились. Тем не менее 21 ноября – буквально на следующий день после прибытия в Петербург – Александр II через нового шефа жандармов А.Л. Потапова распорядился, «чтобы подлежащие министры собрались для обсуждения общего вопроса об образе действий в отношении к учащейся молодёжи»³⁸. Председателем совещания вновь был назначен Валуев, а в его состав включены Милютин, Тимашев, гр. Толстой, Рейтерн, Посьет (с июля управлявший МПС), Грейг, Потапов, а также министр юстиции гр. К.И. Пален и главноуправляющий II отделением Собственной е.и.в. канцелярии кн. С.Н. Урусов³⁹. На этот раз сановники поспешили собраться: уже 24 ноября «между парадом и обедом» состоялось первое заседание, за ним с небольшими перерывами последовали ещё четыре (каждое длилось несколько часов), к 21 декабря были подготовлены подробные журналы заседаний и краткий всеподданнейший доклад, на следующий день подписанный всеми участниками совещания⁴⁰.

По-видимому, интерес монарха к происходившему в столице в его отсутствие несколько насторожил министров. Во всяком случае, на первом же заседании, прошедшем, по словам Милютина, «в самых приличных формах и в примирительном духе»⁴¹, они, выслушав всеподданнейшую записку Трепова об октябрьских событиях, прежде всего попытались убедить друг друга в том, что никаких беспорядков в сущности и не было. Так, в МХА волнения возникли исключительно вследствие «неудовольствия студентов на одного из профессоров» и «были вызваны преимущественно журнальною полемикою между профессорами» (подразумевались статьи «против академии» в «Русском мире» и «Московских ведомостях», а также в «Биржевых ведомостях», о чём Милютин сообщил императору ещё 10 ноября⁴²). Но хотя «тенденциозные неприличные статьи газет против некоторых профессоров и даже вообще против существующего в академии порядка несомненно содействовали к возбуждению пылкой увлекающейся молодёжи», собственно нарушение порядка свелось к шуму на одной лекции и коллективному ходатайству студентов перед начальником МХА за арестованных товарищей. При этом неповиновения не

³⁶ Там же.

³⁷ ОР РГБ, ф. 169, к. 50, д. 25, л. 42–43.

³⁸ Милютин Д.А. Дневник... С. 143–144. Поводом послужил, видимо, первый же доклад Милютина, коснувшегося положения в МХА.

³⁹ В официальном отношении Потапова указывалось, что, «ввиду происшедших в последнее время беспорядков в некоторых высших учебных заведениях в С.-Петербурге», Особое совещание создано «как для всестороннего обсуждения тех причин, кои вызвали упомянутые беспорядки, так и для принятия необходимых мер к пресечению возможности повторения их на будущее время» (ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1150, л. 2). См. также: ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 2.

⁴⁰ Журнал составлялся по каждому заседанию двумя секретарями под непосредственным наблюдением Валуева, а затем рассылался участникам совещания, которые могли делать поправки в изложении своих выступлений или предложить собственный текст, включавшийся в этом случае в окончательный (печатный) вариант. Судя по сохранившимся вставкам Милютина (ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 4, 21–22) и кн. Урусова (ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1150, л. 11), формулировки журнала вполне отражали позиции сановников. При этом «мнение статс-секретаря князя Урусова к общему журналу» было напечатано дословно, но разделено на три части, отнесённые к заседаниям 24 ноября, 1 и 12 декабря. Обсуждение записки Трепова, состоявшееся 24 ноября, отнесено в журнале к 12 декабря.

⁴¹ Милютин Д.А. Дневник... С. 144–145.

⁴² ОР РГБ, ф. 169, к. 50, д. 25, л. 42–43.

наблюдалось и занятия исправно посещались «именно в то время, когда возникли беспорядки в некоторых других высших учебных заведениях»⁴³.

Рейтерн объяснял беспорядки среди студентов Технологического института ужесточением экзаменационных требований, которое оказалось необходимым в условиях, когда «вследствие развития потребности в технических знаниях» число учащихся за два года выросло с 500 до 1 тыс. человек, «что затруднило деятельность профессоров и значительно ослабило практические занятия». В результате строгость экзаменаторов позволила отчислить из института почти треть слушателей (их осталось до 700), но «естественно породила неудовольствие между студентами низших курсов». Они и устроили беспорядки, в прекращении которых профессора «приняли деятельное и дружное участие»⁴⁴.

Граф Толстой прямо утверждал, что «беспорядков в Петербургском университете в строгом смысле не было, а замечено лишь некоторое брожение», связанное с разговорами о делах МХА на сходке, собравшей до 70 участников, которые «по требованию инспектора разошлись», но после начали обсуждать уже само право сходок. Кроме того, некоторые студенты, преимущественно с юридического факультета, потребовали удаления от преподавания профессора И.Ф. Циона, известного физиолога и критика дарвинизма, читавшего лекции на старших курсах естественного факультета, но к тому времени уже прекратившего их и собиравшегося в заграничную командировку (по поручению военного ведомства)⁴⁵. Так или иначе, «ректор университета мерами увещания успел унять молодёжь, не прибегая к содействию полиции»⁴⁶.

Селифонтов, замещавший Посыета 28 ноября, поведал коллегам о чуть ли не идиллическом состоянии Института инженеров путей сообщения, где с беспорядками не сталкивались уже 10 лет. Объяснялось это известной обеспеченностью и заманчивыми перспективами студентов, которые «ещё до окончания курса получают частные занятия, приглашаются, напр[имер], в летнее время на изыскания и др[угие] временные работы по железным дорогам и вообще строительной части, а по окончании курса большею частью занимали до сих пор места со значительным содержанием». К тому же МПС ежегодно тратило на пособия до 20 тыс. руб. («при небольшом числе слушателей, от 700—800 человек»), не считая частных стипендий. Здания института и центральных учреждений министерства находились поблизости, что облегчало связь «между высшим начальством и директором и профессорами», некоторые из них даже «часто являются к министру с докладами по разным делам»⁴⁷.

Столь благостной в целом картине несколько противоречил поставленный 28 ноября Тимашевым вопрос о том, что же следует делать со студентами, высланными в октябре по распоряжению Трепова на родину, в частности, нужен

⁴³ Там же, к. 40, д. 12, л. 4, 21—22. Поскольку комиссия, специально расследовавшая причины беспорядков в МХА, зачинщиков не нашла, 9 студентов, арестованных по указанию инспекции и полиции, но виновных не более других, Милютин ещё 16 ноября распорядился освободить, вменив им в наказание содержание под арестом на протяжении прошедшего месяца (Там же, к. 41, д. 4, л. 1—2).

⁴⁴ Там же, к. 40, д. 12, л. 4—5.

⁴⁵ Там же, л. 5. Именно Цион, преподававший также и в МХА, оказался в центре газетного скандала и студенческих демонстраций медиков. Подробнее о нём см.: *Котов А. Э.* «Царский путь» Михаила Кагкова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1870-х годов. СПб., 2016. С. 260—271.

⁴⁶ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 5.

⁴⁷ Там же, л. 7.

ли за ними полицейский надзор. Как выяснилось, иногородних учащихся Горного института высылали только потому, что их курсы оказались закрыты, а поскольку уже через месяц их вновь удалось открыть, все желающие возобновить прерванные занятия (кроме 10 человек, признанных неблагонадёжными) могли вернуться назад. Из университета «два студента, высланные как главные подстрекатели, были уволены за невнесение установленной платы за учение и за схватку их с городовым». Им, а также исключённым технологам, решили воспретить на год въезд в столицы⁴⁸.

Однако, несмотря на весьма скромные масштабы «возмущения», записка, прочитанная на заседании 28 ноября Потаповым, отличалась сугубым пессимизмом. В ней излагались «характеристические черты последних беспорядков, а именно: 1) беспричинность их во всех заведениях, кроме Медико-хирургической академии; 2) преимущественное участие в них студентов младших курсов; 3) отсутствие в среде стипендиатов того более спокойного и благоразумного элемента, какой представляли прежде казённокоштные студенты; 4) почти общее участие в беспорядках студентов-евреев; 5) антагонизм между выборными и назначенными профессорами, и 6) пассивная роль коллегий во время беспорядков». Всё это, по мнению шефа жандармов, указывало на «искусственное привлечение массы молодых людей сословными, служебными и другими льготами», а также на неэффективность «ни к чему не обязывающих стипендий», непоследовательность в порядке назначения профессоров и «ненормальное распределение власти и ответственности между начальником заведения и коллегией»⁴⁹.

Рассуждения Потапова по сути соответствовали тому курсу, по которому пытался направлять деятельность Особого совещания Валуев. Ещё 24 ноября Пётр Александрович завёл речь об «органических недостатках высших учебных заведений», которые «преследуют исключительно цели обучения, опуская из виду... воспитание гражданское», и не обеспечивают ни «основательного отношения к науке», ни «нравственного влияния на учащихся», ни «необходимой дисциплины». Валуев не сомневался в том, что «коллегия профессоров» не в силах «давать направление и единство в управлении» и «не вполне сознаёт свои отношения к правительству», подавая молодёжи дурной пример. Вместе с тем «разными неосмотрительными приёмами администрации и даже частной благотворительности» студентов приучают к усвоению «неверного понятия о каком-то праве бедности и посредственности на пособия для выхода из данной сферы». Но, привлекая «массу мало подготовленных слушателей, лишённых всяких материальных средств и всяких семейных связей», университеты и институты вынуждены потом многих отчислять «без завершения курсов» и каких-либо гарантий «размещения их в общественной среде». Затрудняя обучение, «лихорадочное состояние нужды, неуверенности и стремления к исключениям» создаёт почву для «волнений и беспорядков». Между тем «публика, как и семья, вместо поддержания в учащихся сознания нравственных обязанностей к правительству, сама вдаётся в критику правительственных распоряжений и тем ещё более деморализует и волнует массу незрелой молодёжи»⁵⁰.

⁴⁸ Там же, л. 6–7.

⁴⁹ Там же, л. 7–8.

⁵⁰ Там же, л. 6.

1 декабря Валуев «возбудил вопрос: действительно ли так велика, как обыкновенно предполагается, потребность в подготовке людей для различных государственных целей, потребность, ведущая к широкому раскрытию дверей высших учебных заведений?». Сам он не скрывал своих сомнений: «Действительно, у нас большие потребности, но едва ли они так беспредельны, как обыкновенно говорят». Признавая «недостаток медиков», на который указывали Милютин и Тимашев, Валуев отмечал, что в его ведомстве дело обстоит иначе. Так, в Петровской академии за 10 лет числилось около тысячи слушателей, из которых только 10 окончили её кандидатами, из остальных, по собранным сведениям, агрономией занимались «всего 29». В то же время «в Горном институте, по отзыву одного из профессоров, нынешнее число студентов *вдвое* (выделено курсивом в журнале. — *А.М.*) более, чем того могли бы требовать нужды горного дела в России». На этом фоне особенно внушительно выглядела цифра в «611 студентов и учеников разных учебных заведений», арестованных в 1872—1874 гг. жандармами по разным политическим делам (после нечаевского). Тут резонно возникал вопрос о том, в чём же «могла бы заключаться хотя относительная гарантия, что молодые люди воспримут высшее образование правильно, с пользой для России и не обратят его в орудие вражды против существующего порядка?»⁵¹

Грейг решительно заявил, что такой гарантией «от слишком значительного числа учащихся, не соответствующего средствам каждого заведения» и «от низкого уровня нравственной подготовки поступающих» должен бы служить «своего рода имущественный ценз», а именно — повышение платы за обучение. Государственный контролёр утверждал, что «нигде государство не тратит так много на высшее образование; нигде образование не достигается так легко и дешево»: «У нас государство тратит на высшие учебные заведения более 4 000 000 р. в год, учащиеся же вносят всего около 300 000 р.». «Потребность в людях с высшим образованием» Самуил Алексеевич считал сильно преувеличенной. По его словам, было «всем известно, сколько лиц, окончивших курс в высших учебных заведениях, не находят мест и ежедневно обращаются в разные министерства с просьбами о принятии их на службу», а «за ненахождением таких мест молодые люди эти подвергаются лишениям тем более тяжким, чем более они умственно развиты, и из них образуется тот умственный пролетариат, который всё более и более угрожает общественному спокойствию и безопасности». «Ничтожная плата», надежды на будущие преимущества и «разные льготы» привлекали «и тех молодых людей, которые не только не могут вносить установленной учебной платы, но не имеют никаких средств к пропитанию», а это «подготавливает почву для самых пагубных и ложных учений». Напротив, там, «где плата выше, нравственный уровень учащихся и здоровые дисциплинарные начала держатся на более высоком уровне»⁵².

Впрочем, и Грейг не предлагал «значительного возвышения платы», считая, что «можно ограничиться повышением умеренным, с тем, чтобы часть взимаемой платы поступала в пользу профессоров в виде сбора за лекции». Одновременно это должно было усилить связь учащихся со своими семьями, на которые неизбежно ложилась бы существенная часть расходов за обучение. «Мера эта свойства охранительного, но не аристократического; она не исключила бы из университетской среды никакого сословия», — уверял государственный

⁵¹ Там же, л. 10.

⁵² Там же, л. 11.

контролёр, ссылаясь на опыт Германии, где «плата за учение в университетах выше, чем у нас, и, несмотря на то, в рядах студентов встречаются молодые люди всех классов общества». Наконец, «что же касается до тех исключительных личностей, которым, несмотря на недостаточность их средств, не следовало бы преграждать доступа к высшему образованию, то огромное число стипендий, которое правительство рассыпает столь щедрою рукою по всем учебным заведениям, может, кажется, успокоить всякие опасения на этот счёт»⁵³.

Характерно, что эта позиция оказалась категорически неприемлема для других членов Особого совещания. Рейтерн и гр. Толстой соглашались на повышение платы «только в отношении вольнослушателей», видя в них «самый нежелательный элемент, удаление которого принесёт только пользу заведению». Толстой на всякий случай напомнил присутствующим, что «увеличение платы за слушание лекций не только не гарантирует спокойствия, но даже обещает вызвать беспорядки в столице и во всех других университетах империи». Какого-либо избытка студентов граф не наблюдал, поскольку «регулирование слушателей по факультетам производится само собою». Так, после судебной реформы «явилась потребность в образованных юристах», и соответствующие аудитории «были положительно переполнены». Когда же выяснилось, что нужда «более или менее удовлетворена», начался отток, и «большинство перешло на медицинские факультеты». Толстой, Милютин и Потапов единодушно «настаивали на невозвышении платы, говоря, что эта мера не изменит контингента учащихся»: «В высшие заведения пойдут те же лица, но только они будут ещё более бедствовать от нищеты. Эта мера вызовет неудовольствие не только в среде учащихся, но и в обществе, и неизбежно послужит поводом к новым беспорядкам»⁵⁴.

Валуев, по мнению которого, правительству не следовало «отказываться от меры только потому, что она может вызвать беспорядки», пытался довольно робко возражать. Если «при нынешнем положении... можно сказать, что правительство нанимает учащихся», рассуждал он, «следовательно, от него зависит и нанимать их меньше». Но председателю удалось добиться лишь декларативного признания желательности возвышения платы с оговоркой о том, что на практике увеличить её можно только для вольнослушателей⁵⁵. И даже это вызывало раздражение. «Одно только, — отмечал в дневнике Милютин, — выразилось довольно ясно: затаённое желание некоторых из министров воспользоваться случаем, чтобы поднять заветный вопрос об ограничении “массы” учащейся молодёжи, о предоставлении высшего образования только привилегированным сословиям. Мужик должен оставаться мужиком; зачем ему тянуться за господами? — Досадно и грустно слушать»⁵⁶. Со своей стороны, Дмитрий Алексеевич доказывал коллегам, что за исключением сравнительно небольшого горного ведомства «повсеместно ощущается недостаток в людях, вполне подготовленных к той или другой отрасли службы государственной или деятельности общественной», «в особенности же слышны часто сетования на недостаток специалистов по разным отраслям прикладных знаний»⁵⁷.

⁵³ Там же, л. 11–12.

⁵⁴ Там же, л. 10, 12–14.

⁵⁵ Там же, л. 13.

⁵⁶ Милютин Д.А. Дневник... С. 146.

⁵⁷ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 10.

Тщетно Валуев и Грейг пытались поставить под сомнение целесообразность существовавших льгот и стипендий. Спор возник лишь о том, что собой представляют стипендии — «вознаграждение за известное обязательство, принимаемое на себя учащимся», своего рода «аванс жалования за будущие услуги», как их понимали Милютин и Потапов (именно такая практика существовала в МХА и в Войске Донском, наказным, а затем войсковым атаманом которого в 1865—1868 гг. являлся будущий шеф жандармов), «премию за успехи», к чему склонялись гр. Толстой и Рейтерн, или «пособие бедности для прохождения курса», как они воспринимались Селифонтовым, Валуевым, а отчасти и тем же Рейтерном, уверенным: «Сила общественного мнения не допустит достаточного студента добиваться стипендии». Разногласия вызывал также порядок назначения стипендий — в самом учебном заведении и преимущественно на старших курсах, что казалось оптимальным Рейтерну, Милютину и Толстому, или же, как предлагали Селифонтов и гр. Пален — «на местах», в гимназиях и даже «при содействии земства». Но необходимость подобных пособий признавалась практически всеми⁵⁸. Даже Тимашев, известный своими консервативными убеждениями, заявлял, что «потребности его ведомства по медицинской и по строительной частям громадны и могут быть удовлетворены только обязательностью стипендий». Лишь Валуев скептически отзывался о пользе от стипендиатов в его министерстве⁵⁹.

Дистанцируясь от идеи того или иного «имущественного ценза», члены Особого совещания искали гарантии лояльности учащейся молодёжи в строгости вступительных экзаменов (Рейтерн), правильной организации гимназий и народных школ (Валуев), а также реальных училищ (Милютин). Но все эти поиски настраивали на пессимистический лад. Селифонтов и Посыет вообще рекомендовали «дать средства преимущественно низшим и средним учебным заведениям, предоставив высшее образование естественному течению». Руководители МПС исходили из того, что желательнее «иметь хотя и меньшее число учебных заведений и учащихся, но лучше организованных»⁶⁰. «В нашем обществе, — сетовал Тимашев, — можно сказать, во всех слоях его, недостаёт того нравственного начала, отсутствие которого составляет корень зла и в высших учебных заведениях. Поэтому исцелить этот недуг может не закон, а только общественное сознание. У нас не только в школе, но и в семье утратился дух дисциплины, без которого немислимо никакое общество»⁶¹.

Схожим образом рассуждал и Потапов, считавший, что «корень зла заключается в недостаточности не образования, а воспитания», и прежде всего — в слабости религиозного и семейного начала. В этом отношении, по мнению шефа жандармов, Царство Польское и «западные» губернии выгодно отличались от «внутренних и восточных». «Наше православное духовенство не имеет никакого влияния, — сетовал Александр Львович, — а пока духовенство не будет возвышено, пока оно не приобретёт значения в деле воспитания, до тех пор наши меры принесут не много пользы. Но эту задачу нельзя исполнить быстро; она потребует не десятки лет, а целые поколения, но пора уже приступить к делу»⁶². Любопытно, как тут же с явным одобрением и не без некоторой зависти

⁵⁸ Там же, л. 13–16.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, л. 13.

⁶¹ Там же, л. 11.

⁶² Там же, л. 12.

про дисциплину, характерную для «иезуитского воспитания», заговорили лютеранин Рейтерн и известный своей глубокой религиозностью и преданностью православию кн. Урусов, не забывший упомянуть, что «католичество и иезуитизм — главные враги России»⁶³.

Валуев охотно соглашался с тем, что «правильное направление элементарного образования весьма желательно, но без участия духовенства достигнуть этого невозможно»⁶⁴. На последнем заседании Особого совещания, 12 декабря, к данной теме неожиданно вернулся Посьет, заявивший, что беспорядки, самоубийства, «значительное распространение в провинции нигилизма и его оттенков» и т.п. — «всё это суть ясные доказательства и прямые последствия крайне недостаточного религиозного образования нашего юношества». Высокопоставленному лютеранину казалось, что «причина сего заключается как в недостаточности веро преподавания — обыкновенно более догматического, чем религиозно-нравственного, — так преимущественно в состоянии семейного быта, который, говоря вообще, у нас весьма мало религиозен». И тому, и другому вице-адмирал находил объяснение «в недостаточном образовании — как духовном, так и нравственном — греко-российского духовенства». Безотлагательное устранение этого недостатка, а также «увеличение влияния учителей и профессоров на учащихся и слушателей» должно было способствовать борьбе против «неверия нашего молодого поколения»⁶⁵.

Между тем 1 декабря товарищ Посьета Селифонтов обращал внимание «на то, что главный контингент для скамьи подсудимых по политическим делам, в коих замешаны студенты, составляют священно- и церковнослужительские дети, т.е. приходящие из менее всего обеспеченного сословия людей». Гр. Толстой, будучи обер-прокурором Св. Синода, даже счёл своим долгом вступить за духовное ведомство, отметив, что «хотя семинаристы, по своей неотёсанности и грубости нравственной, составляют не совсем приятный элемент в высших учебных заведениях, но зато они, за немногими исключениями, весьма полезные труженики». Граф напоминал, что «в прежнее время скудость содержания (круглым счётом 33 р. на семинариста, считая расход и на учебную часть) устраняла всякую возможность улучшения», а «теперь на семинарии отпускается из государственного казначейства 1 500 000 р. и на одно содержание семинариста приходится 90 р.». Ему явно хотелось думать, что «эта мера в связи с другими нововведениями заметно изменяет нравственный быт семинариста к лучшему»⁶⁶.

Иронизируя над подобными суждениями, Милютин 1 декабря отмечал в дневнике: «Говорилось очень много, слишком много, но толку мало. Граф Толстой, по своему обыкновению, занимал нас очень долго многоречивыми рассказами, напоминающими сказки старой нянюшки; Валуев высокопарно сводил вопрос на отвлечённые принципы и общие, высшие взгляды [зачёркнуто: “некоторые из членов напрасно пытались вклеить и свои речи”]. Затронули предметы очень щекотливые: где корни современного настроения русской молодёжи? Отыскивая эти корни, коснулись и духовенства, и семейного

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, л. 11.

⁶⁵ Там же, л. 19.

⁶⁶ Там же, л. 12–13.

быта, и школьной дисциплины, и проч., и проч. Но к положительному выводу всё-таки не пришли»⁶⁷.

Фактически отказавшись от каких-либо попыток изменить или ограничить контингент учащихся, участники Особого совещания вынуждены были либо смириться с неизбежностью периодически повторяющихся беспорядков, либо найти более эффективные способы управления высшей школой. Не случайно уже на первом заседании зашла речь об административной беспомощности и обширных полномочиях университетских советов, академических конференций и проч. И если Милютин и Толстой высказались об этом поначалу достаточно сдержанно, то Грейг сразу же «заявил, что главные недостатки, замечаемые в строе учебных заведений, коренятся в самых уставах». Валуев не менее категорично утверждал, что «влияние профессоров на общий ход дел и на студентов имело значение отрицательное»⁶⁸.

28 ноября Пётр Александрович предложил обсудить целесообразность сокращения власти коллегиальных органов, чётко оговорив, что «Совещанию подлежит установление только общих начал; применение же их к особым условиям каждого заведения должно быть предоставлено министрам, в ведении которых состоит заведение». «Весь вопрос, — пояснял он, — заключается в том: сохранить ли автономию профессорской коллегии в высших учебных заведениях, держаться ли вообще начал университетского устава 1863 года или избрать иной путь — установить иные начала, более соответствующие современным потребностям?»⁶⁹.

На этот раз наиболее решительным противником «автономии» выступил Милютин. В значительной мере это объяснялось тем, что в конце 1874 г. его больше всего беспокоила судьба МХА, где действовал «устав, одинаковый с университетским». С 21 по 26 ноября при поддержке Валуева и Грейга он получил согласие Александра II на закрытие конференции (совета) и учреждение временной комиссии, которой поручалось текущее руководство МХА (без права изменять устав). Формально это ещё не предreshало спора о передаче академии и её будущем устройстве, но значительно укрепляло позиции военного ведомства. В этих условиях Милютин как никогда был заинтересован в обеспечении собственного контроля за профессорами и студентами⁷⁰.

Поэтому на заседании 28 ноября военный министр, ссылаясь на недавние беспорядки и опыт прежних лет, требовал и в МХА, и в университетах «несколько ограничить круг действия коллегиальных собраний, составленных исключительно из преподавателей и сосредоточивающих в себе всё управление заведениями», а именно — «изъять из ведения конференции или совета часть хозяйственную и полицейскую», предоставив «начальству возможность действовать свободно в делах, касающихся администрации», и «изменить установленный ныне порядок замещения профессорских кафедр». При этом признавалось желательным и возможным «изыскать такой способ решения, чтобы, с одной стороны, оценка учёных достоинств кандидатов на профессорские кафедры основывалась на приговоре судей вполне компетентных, а с другой стороны — чтобы при назначении профессоров высшая власть административная не была совершенно связана обязанностью беспрекословно подчиняться

⁶⁷ Милютин Д.А. Дневник... С. 146.

⁶⁸ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 4–6.

⁶⁹ Там же, л. 8.

⁷⁰ Там же, л. 9; Милютин Д.А. Дневник... С. 143–146.

результату баллотировки». «Насколько был бы неудобен в таком деле единоличный произвол административной власти, — отмечал Дмитрий Алексеевич, — настолько же, если не более, бывают часто невыгодны последствия пристрастных голосований и интриг в среде коллегиального собрания, составленного из профессоров»⁷¹.

5 декабря военный министр вновь доказывал необходимость переработки уставов и настаивал на том, «что полная автономия коллегии в управлении учебными заведениями приносит более вреда, нежели пользы, даже в интересах учебной части». А поскольку «самая слабая сторона» уставов — «предоставление учебному персоналу права комплектовать себя по собственному выбору», то и мысль о «бессменности» профессоров «должна быть исключена» при новой реформе⁷².

На фоне таких заявлений своего либерального антагониста гр. Толстой держался скорее умеренно, осторожно и даже уклончиво. 24 ноября, признав, что «происшедшие в университете явления (которые министр упорно отказывался называть “беспорядками”. — *А.М.*) указывают на некоторые недостатки в устройстве администрации», он ограничился констатацией: «По уставу университет пользуется полным самоуправлением; не только учебные, но и все административно-полицейские должности замещаются по выбору и определению совета». На следующем заседании на прямой вопрос Валуева граф «отозвался, что он сознаёт вполне некоторые неудобства устава 1863 года» и убеждён: «Слишком широкая автономия вредна не только в административном отношении, но также и в научном, как это замечается при выборе для замещения кафедр. Факультеты и советы в этом отношении нередко руководствуются личными интересами и эгоистическими соображениями». В результате, в Киеве «историко-филологический факультет дошёл было до совершенного распада», а в Москве «из 13-ти кафедр юридического факультета замещены профессорами только три, а прочие заняты доцентами». Между тем «советы злоупотребляют предоставленным им по уставу правом давать учёные степени знаменитым учёным», а «выборные ректоры не решаются посещать лекции профессоров из боязни возбудить к себе неудовольствие и перед каждым выбором усиливают представления к наградам, в расчёте приобрести несколько лишних голосов»⁷³.

Однако вывод из этого делался несколько парадоксальный и неожиданный: «Все эти злоупотребления несомненно существуют и отрицать их невозможно; но вопрос в том, как приступить к их исправлению? Легко дать вольности, но трудно отнять их, особенно когда дело касается всех университетов империи. Всякая попытка ограничить автономию коллегии возбудит оппозицию профессоров, которая может перейти в оппозицию студентов, т.е. в беспорядки»⁷⁴. Впрочем, это не помешало Валуеву 1 декабря заявить, что министры пришли к соглашению «относительно назначения профессоров, организации части хозяйственной, части инспекторской по делам полицейского и административного свойства», и поставить перед Совещанием «вопрос об инспекторской

⁷¹ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 9.

⁷² Там же, л. 16.

⁷³ Там же, л. 5, 8.

⁷⁴ Там же, л. 8.

части по учебному курсу, именно, должна ли быть сохранена и в этом отношении полная автономия коллегии?»⁷⁵.

Тут граф Толстой «высказался в пользу полной свободы преподавания», вновь отметив, что «министерству было бы чрезвычайно трудно организовать и регулировать подобную инспекцию, не говоря уже о неизбежных последствиях такой меры, способной возбудить всеобщее неудовольствие в среде профессоров». Министр не скрывал, что «в настоящее время свобода преподавания обратилась в полную анархию»: «По уставу, деканы и ректоры обязаны иметь наблюдение за преподаванием, но в действительности такого наблюдения не существует, так как они сами поставлены в такое зависимое положение от коллегии, что не могут позволить себе не только критики, но даже какого-либо замечания. Профессоры обязаны представлять факультетам программы, но это требование устава не всегда исполняется. Профессоры читают, что хотят, как хотят и когда хотят. Экзамены они назначают сами, и сами же экзаменуют»⁷⁶.

Граф Толстой соглашался, что «такое положение университетского преподавания не может и не должно быть терпимо» и при сохранении «полной свободы преподавания» следует «обставить её некоторыми гарантиями». Соответственно, всё затруднение состояло в том, чтобы «отстранить злоупотребления, не стесняя свободы преподавания и не вводя невозможного на практике надзора со стороны министерства». Для этого граф предлагал «отделить окончательные выпускные экзамены от преподавания учреждением экзаменационных комиссий по назначению министерства, допустив исключение только в отношении порядка экзаменов на учёные степени»⁷⁷. Министру казалось, что «такая мера, легко осуществимая, благотворно подействовала бы на достоинство преподавания и, кроме того, избавила бы профессоров от столкновений со студентами, всего чаще порождаемых экзаменами». При этом он исходил из того, что «у нас все факультеты прежде всего приготавливают служащих по известной части; посвящающих же себя исключительно науке можно встретить как исключение», и «университеты призваны удовлетворять тем требованиям, минимум которых определяется потребностями службы в различных ведомствах». Именно поэтому появление чиновников-экзаменаторов представлялось вполне естественным. Более того, по мнению графа Дмитрия Андреевича, «учреждение экзаменационных комиссий было бы также отчасти заменой несуществующего и пока ещё невозможного у нас экзамена на право государственной службы (staatsexamen)»⁷⁸.

Ни одобрения, ни критики данная идея в Особом совещании не вызвала, однако сановники явно почувствовали в ней попытку учебного ведомства вмешаться в их дела. Во всяком случае, Валуев, «не предрешая вопроса об экзаменах или о формах контроля», счёл достаточным «вообще признать его необходимость, а затем уже предоставить гг. министрам применять это начало во вверенных им заведениях в той форме, в какой оно будет признано, по особому их характеру и строю, возможным и удобным». Рейтерн ограничился замечанием

⁷⁵ Там же, л. 9.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. Судя по отсутствию каких-либо оговорок, изначально это исключение распространялось и на степень кандидата (в 1884 г. заменённую званием «окончивший курс с дипломом 1-й степени»). Подробнее о характере и порядке экзаменов на учёные степени в XIX в. см.: *Иванов А.Е.* Учёное достоинство Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. С. 341–392.

⁷⁸ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 9.

о том, что в Технологическом институте «иные условия» и «там все программы предварительно утверждаются»⁷⁹.

Возможно, мысль о создании государственных экзаменационных комиссий импонировала гр. Толстому ещё и тем, что соответствовала его стремлению свести к минимуму прямое вмешательство в жизнь университетов и позволяла контролировать её с помощью сугубо внешней надстройки. При этом ближайшие сотрудники министра преследовали прямо противоположные цели. Тот же «отец русского классицизма» Георгиевский в середине 1870-х гг. рассчитывал на то, что государственный экзамен «дал бы возможность влиять на ценность, содержание и даже самостоятельность университетского преподавания»⁸⁰. Александр Иванович был настроен тогда по-боевому, но Толстого, ещё продолжавшего бои за реформированные гимназии, явно не прельщала перспектива нового затяжного и непредсказуемого по своим последствиям конфликта, которым легко могли бы воспользоваться его противники, в тот момент активно ратовавшие за преобразования.

Не случайно граф постоянно напоминал — и единомышленникам, и оппонентам — о рискованности каких-либо шагов, затрагивающих профессорские привилегии. В августе 1872 г. он через попечителей учебных округов предложил советам университетов указать, какие изменения желательно сделать в действующем законодательстве, обещая «при предстоящем пересмотре университетского устава» «руководствоваться единственно соображениями возможно большего развития науки во всех её отраслях и пользою многочисленных... слушателей, которые должны приобретать в университетах действительное научное образование». В ответ все они высказались за полное сохранение *status quo* (но при увеличении жалованья или хотя бы пенсий)⁸¹. Между тем среди профессоров упорно ходили слухи, будто «реформа университет[ского] устава собственно уже готова и лежит в портфеле министра и что запрос университетов сделан только для блезиру», как 22 октября 1872 г. сообщал В.И. Модестов А.Ф. Кистяковскому из Киева. Выступления отдельных профессоров с критикой устава вызывали у их товарищей приступы ярости и раздражения. «Десятки голосов кричали во всё горло, с употреблением некоторыми даже площадных слов, на несчастного коллегу, осмелившегося указать на слабые стороны жизни в своём университете», — вспоминал в середине 1880-х гг. Модестов о заседании совета Университета св. Владимира в ноябре 1872 г., когда рассматривалось особое мнение известного зоолога А.О. Ковалевского, указавшего «на несостоятельность действовавшей тогда системы избрания профессоров». Во время обсуждения учёные «забылись до последних пределов и не удержались ни от каких оскорблений по отношению к человеку, отличавшемуся перед всеми кротостью и безобидностью». Вскоре после этого Ковалевскому пришлось переехать из Киева в Одессу⁸².

Министру приходилось считаться с такой позицией, хотя, разумеется, никаких симпатий к «головнинскому» уставу он не испытывал. 4 февраля 1873 г., благодаря профессора Н.А. Любимова за присланную им статью, в которой

⁷⁹Там же, л. 9–10.

⁸⁰*Кони А.Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич // *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М., 1966. С. 209–210.

⁸¹*Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 503.

⁸²Профессор В.И. Модестов. Воспоминания, письма / Под ред. А.Е. Иванова, А.И. Любжина, В.С. Шандра. М., 2014. С. 82–83, 291.

критиковался созданный в 1863 г. порядок, гр. Толстой писал: «Мнение это — акт гражданского мужества в настоящее время, когда, несмотря на явные, всем известные безобразия, проистекающие из этого устава, все университеты, как бы сговорившись между собою, признают этот устав совершенством, следуя, вероятно, французской поговорке “tout va pour le mieux dans ce meilleur des mondes”» (всё к лучшему в этом лучшем из миров, *фр.*)⁸³. Какие бы чувства его ни переполняли, граф Дмитрий Андреевич всё же трезво оценивал ситуацию, учитывал соотношение сил и не спешил идти напролом.

Впрочем, 5 декабря министр народного просвещения, чуть ли не под давлением, «вполне соглашаясь с необходимостью» предложенных Милютиным «изменений в уставах», заявил, что «признаёт вместе с тем возможным сохранить автономию коллегии, насколько она необходима для пользы науки, и оставить выборных ректоров, деканов и т.п., но с изменением устройства совета, с ограничением его административно-полицейской власти и с изъятием из его ведения командировок, пособий и т.п. распоряжений». Иными словами, он готов был лишить профессорские корпорации полномочий и денег, однако всячески избегал втягивания в их внутренние взаимоотношения. «Конечно, — предвидел граф, — подобная мера будет дурно принята профессорами, но правительство, в интересах высшего образования, не может оставить дело в настоящем его положении»⁸⁴.

Тем не менее, как ни странно, только гр. Толстой, не без оснований считавшийся «реакционером», пытался, пусть и из сугубо прагматических соображений, делать какие-то оговорки в пользу выборности и самоуправления в университетах. Либерал Милютин, напротив, без колебаний решал поставленную ещё 28 ноября Валуевым проблему: «Следует ли оставить в высших учебных заведениях нынешнюю систему полной автономии в руках учебного персонала или нужно придать более силы административной власти?». «Хотя по этому вопросу пошли бесконечные толки, — записал в дневнике военный министр, — но, в сущности, все были за утвердительное решение вопроса; все соглашались в том, что учёное сословие мало способно к администрации»⁸⁵.

В то же время Милютин считал упразднение автономии профессорских советов мерой необходимой, но недостаточной для качественного улучшения ситуации. Ещё 24 ноября военный министр выразил сожаление о том, что «с тех пор, как масса учащихся в высших учебных заведениях лишена всяких признаков корпоративного устройства и подчинена ведению общей городской полиции, уничтожилась всякая внутренняя, органическая связь между учащимися и учащими», тогда как «начальство заведения, не имея никакого нравственного влияния на студентов, вместе с тем не имеет и достаточных средств внутренней полиции для поддержания порядка среди громадной массы собирающейся в стенах заведения молодёжи», подверженной естественному, но далеко не всегда полезному влиянию окружающей среды»⁸⁶.

5 декабря Дмитрий Алексеевич вновь заявил, что считает основной проблемой — «определение отношений учащихся к заведению». По его мнению,

⁸³ РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 160, д. 1, л. 194–195. Подробнее о Н.А. Любимове и его позиции см.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России... С. 56–66; *Котов А.Э.* Указ. соч. С. 91–134.

⁸⁴ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 17.

⁸⁵ *Милютин Д.А.* Дневник... С. 146.

⁸⁶ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 4, 21–22.

именно в этом состоял «самый трудный вопрос»⁸⁷. «По этому предмету, — утверждал он, — существуют две системы диаметрально противоположные: одна основана на тесной нравственной связи учащихся с заведением, — учащие и учащиеся составляют как бы одну семью, одно органическое целое; другая, напротив того, основана на совершенном устранении всякой корпоративной связи между учащимися; заведение есть как бы открытая аудитория, учащиеся — отдельные личности, посетители аудиторий». Отдав «предпочтение второй из этих систем», по словам военного министра, «правительство само как бы признало несостоятельность учебного начальства пред массою вверенной его руководству учащейся молодёжи». Соответственно «постановлено было отнять у этой массы всё то, что сколько-нибудь может служить связью между отдельными личностями: не только отменена форменная одежда, но строго запрещены сходки, читальни, деputationи и проч.», а «учащиеся обратились просто в городских обывателей, подведомых общей полиции»⁸⁸.

В этих условиях «учебное начальство», которое «уже не могло удержать за собою какое-либо нравственное влияние» и контролировать действия студентов во внеурочное время, продолжало по уставу нести «ответственность за посетителей аудиторий» и попало «в ложное и затруднительное положение»: «Оно выпустило из рук все средства к тому, чтобы руководить молодыми людьми; а последние, в свою очередь, лишены всяких законных средств заявлять начальству свои общие нужды и желания. Учащаяся молодёжь обратилась... в разрозненное стадо без пастыря. Одна паршивая овца заражает всё стадо, и никто не может своевременно предохранить здоровых от заражённых». «Управлять массою людей, — рассуждал Милютин, — возможно только при известной организации; напротив того, трудно справиться с толпою, особенно когда она состоит исключительно из пылкой и восприимчивой молодёжи, легко поддающейся всяким увлечениям и подстрекательствам»⁸⁹.

В дневнике Дмитрий Алексеевич изложил своё выступление почти в тех же выражениях, но ещё более резко. «Я предложил на обсуждение, — писал он, — основной вопрос: как следует смотреть на студентов — единично ли, как на посетителей лекций в открытых для них аудиториях, или коллективно, как на совокупность юношей, которых не только образование умственное, но и воспитание нравственное возложены на попечение и ответственность заведения? От решения этого вопроса должно зависеть и разрешение другого, как последствия: следует ли преследовать всякий признак какой-либо корпоративной связи между посетителями лекций или, напротив того, следует сплотить массу учащихся такой организацией, какая необходима для поддержания авторитета и нравственного влияния начальства и преподавателей?»⁹⁰.

Ответ, видимо, казался военному министру столь очевидным, что он даже не стал его формулировать. Дневниковая запись завершается сухой фразой: «Суждения по этим вопросам за поздним временем отложены до следующего заседания»⁹¹. Однако объявленный Валуевым перерыв, скорее всего,

⁸⁷ Там же, л. 17; Милютин Д.А. Дневник... С. 146–147.

⁸⁸ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 17.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Милютин Д.А. Дневник... С. 146–147.

⁹¹ Там же. Любопытно, что в официальном журнале данное выступление Милютина отнесено к заседанию 12 декабря и тем самым оторвано от его заявлений, касавшихся автономии и т.п. (ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 16–17).

объяснялся не только усталостью участников совещания (оно началось в предпраздничный день в 2 часа пополудни и едва ли продолжалось более двух-трёх часов). Возможно, председатель стремился таким образом смягчить остроту спора, поскольку, судя по журналу, позиция военного министра вызвала резкий протест со стороны Тимашева и гр. Толстого. Глава МВД отметил, что хотя «каждая из этих систем имеет свои выгоды и невыгоды», но «какими гарантиями не были бы обставлены права, предоставляемые студентам, следить за ними при их многочисленности всегда было бы затруднительно». «Корпоративное устройство» представлялось ему допустимым в «маленьких городах» Германии, но не в России, где «всё, случающееся в студенческой среде, неизбежно получает уже не школьный, а общественный характер»⁹².

Граф Толстой был ещё более категоричен. Намерение контролировать учащихся «вне стен заведения» казалось ему наивным, поскольку «такое наблюдение невозможно даже в гимназиях». Подчинение же полиции вовсе «не уничтожило связь между студентами и начальством», которое может подвергать провинившихся дополнительным наказаниям, вплоть до исключения. Утверждение, будто «влияние профессоров уничтожилось», по мнению министра народного просвещения, было «отчасти справедливо, особенно в столицах, где профессоры, при множестве других занятий, имеют мало времени». «Но общение со студентами всё-таки есть, — настаивал он. — На всех факультетах заведены частные занятия, которые служат точкою соприкосновения профессоров со студентами; но степень общения, а значит и влияния, конечно, зависит и от личности профессора. Правда, во время беспорядков инспекция бессильна, но то же самое обнаруживалось и прежде»⁹³.

Как и Милютин, гр. Толстой полагал, что «весь вопрос в том: полезны или вредны корпорации?». Однако ответ его был прямо противоположен: «В Германии корпорации явились результатом исторической жизни народа, плодом его прошедшего; у нас же они не имеют под собою почвы, кроме Дерптского университета, где они имеют преимущественно характер, так сказать, географический. У нас, при нынешнем направлении журналистики, при настоящем строе общественного мнения, они приняли бы самый вредный политический характер»⁹⁴.

Весьма показательно, что с этим не согласились руководители жандармского и судебного ведомств. Потапов осторожно заметил, что прежняя «солидарность имела и хорошую сторону», а по словам гр. Палена, «корпорации, хотя и искусственно созданные, имели однако же благотворное влияние на студентов»⁹⁵. Рейтерн явно искал компромиссное решение. Как ему казалось, «было бы согласно с достоинством правительства удовлетворить действительным нуждам студентов», которые «не имеют права легальным путём высказывать свои нужды перед начальством, если же их выслушивают, то это делается в обход закона, что во многих отношениях неудобно». «Не допуская образования корпораций», министр финансов предлагал «предоставить студентам каждого курса

⁹² ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 17.

⁹³ Там же, л. 17–18.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Возражая им, гр. Толстой напоминал, что «солидарность между студентами проявлялась преимущественно в столкновениях их с полицией, и потому не усматривал основания восстанавливать мундиры, служившие формулой этой солидарности».

выбирать в начале года двух или трёх депутатов, которые могли бы обращаться к начальству»⁹⁶.

На это сразу же возразил Валуев, поставивший в начале заседания «вопрос об учащих», но не участвовавший в его обсуждении. Пётр Александрович выразил опасение, что «подобные выборы дадут как бы социальную организацию каждому курсу». Более того, «если после всех беспорядков будет введена такая организация, которая имеет все невыгоды корпорации, не имея её выгод, то это могло послужить как бы признанием справедливости притязаний, выраженных при беспорядках, и к поддержанию в молодых людях мысли, что новыми требованиями, новыми беспорядками они могут добиться новых прав». Ссылаясь на опыт германских университетов, министр государственных имуществ утверждал, что «от коллегий профессоров и от начальства зависит» признание обоснованности тех или иных потребностей и прошений, но «без коллективных форм и без органического устройства среды, из которой эти ходатайства могут исходить». «Сущность вопроса, — безапелляционно заявлял председатель Особого совещания, — не в этом, но в обеспечении дисциплинарного строя высших учебных заведений»⁹⁷.

По сути Валуев солидаризировался с гр. Толстым, опровергавшим тех, кто говорил, «что студенты не имеют, при нынешних порядках, возможности высказывать начальству свои действительные нужды». «На практике, — уверял граф, — такой невозможности не существует; дозволить же выбор депутатов невозможно, так как это повело бы к сходкам, а затем и к беспорядкам. Вообще, студентам нужны не кассы, всегда слишком ничтожные, не библиотеки, в Петербурге излишние, а только предлог для сходок, которыми воспользуются политические агитаторы для своей пропаганды». В случае же создания каких-либо легальных корпоративных учреждений учащих «разные Нечаевы воспользуются этою организацией». К этому времени министр народного просвещения уже пришёл к заключению, что «ввиду предпоставленной цели имеют особое значение следующие меры: усиление административного влияния правительства, усиление инспекций, изменение способа назначения профессоров и установление контроля над преподаванием посредством экзаменационных комиссий»⁹⁸. В этой формулировке отчётливо чувствовалось влияние Георгиевского.

Впрочем, сами участники Особого совещания почти не скрывали своего скептического отношения к действенности намеченных «мер». Потапов, выслушав гр. Толстого, сразу же заговорил о том, что «никакие меры не приведут к желаемому результату без возвышения уровня воспитания» (под «воспитанием» в данном случае подразумевались, видимо, собственно дисциплинарные правила). Полагая, что «для достижения этой цели необходимо единство действий во всех воспитательных заведениях», и констатировав отсутствие «этого единства», шеф жандармов неожиданно предложил сосредоточить заведование «воспитательною частью» в одном ведомстве, чем, похоже, немало озадачил собравшихся. Видимо, желая несколько смягчить произведённое впечатление, Александр Львович оговорился, что «имел в виду не высшие специальные школы, но все средние учебные заведения, как мужские, так и женские». Валуев и Толстой, для приличия согласившись с Потаповым

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, л. 18–19.

⁹⁸ Там же.

«в принципе», немедленно дезавуировали его идею, заявив, что «признают... возбуждённый им вопрос едва ли подлежащим в настоящее время рассмотрению и разрешению»⁹⁹.

Князь Урусов ещё на первом заседании, 24 ноября (вероятно, жалея силы и время коллег), высказал предположение о том что «в студенческом движении несомненно было участие зачинщиков, но главную причину распространения волнений следует искать в отсутствии в нашем обществе и семье тех гражданских нравов и того направления, на которые справедливо указал министр государственных имуществ»¹⁰⁰. Согласившись с подобным заключением, Особое совещание сразу могло прекратить работу, ведь никакая реорганизация учебных заведений, очевидно, не устранила бы неведомых «зачинщиков» и не изменила бы состояние «нравов».

Одновременно кн. Урусов, явно предвидя неоднократное повторение беспорядков в дальнейшем, «находил, что было бы необходимо вовсе изъять из юрисдикции общих судов такие проступки, которые, хотя и совершены вне стен учебных заведений, но направлены против начальства их»¹⁰¹. Князя поддержали Милютин и гр. Пален, видимо, также не питавшие особых иллюзий, как и Трепов, желавший в будущем «в делах о беспорядках студентов вне стен заведения... обеспечить быстрое наложение на виновных взыскания путём немедленного разбирательства и сокращением судопроизводственных сроков на подачу апелляционных жалоб»¹⁰². Граф Толстой, со своей стороны, не сомневался, что «поводы к брожению, как бы они не были нелепы, всегда возможны и неуловимы»¹⁰³.

Члены Особого совещания прекрасно осознавали и то, что учащихся не удастся оградить от внешних влияний. Показательно, что если в октябре газетам запретили писать о начавшихся волнениях, то уже 28 ноября, по словам Милютина, было «решено дать печати свободу». Хотя полемика в прессе признавалась всеми одним из непосредственных поводов к беспорядкам, цензура, по словам Тимашева, не могла ничего сделать, поскольку «на основании закона о печати административные меры взыскания налагаются за направление статей», а не за их непредсказуемые последствия. Причём нежелательный резонанс никак не зависел от тематики публикаций, а искусственные ограничения вызывали только раздражение и ажиотаж. Но с их отменой всё возвращалось на круги своя. «Надбно ожидать, — обречённо отмечал военный министр, — что немедленно поднимется снова газетная война со всевозможными сплетнями и скандалами»¹⁰⁴.

Не удивительно, что многочасовые дискуссии, проходившие на протяжении нескольких недель, закончились соглашением о действиях «в случае возникновения новых волнений и беспорядков». «Совещание единогласно признало, — говорилось в журнале, — домогательствам студентов не оказывать ни малейшего послабления, не прибегать ни к каким уступкам, не входить ни в какие переговоры, обнаруживающие колебание со стороны начальства, но немедленно принимать соответствующие меры к прекращению возникшего движения, дабы предупредить и предотвратить его дальнейшее развитие

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, л. 6. См. также: ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1150, л. 10–11.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1150, л. 11; ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 20.

¹⁰² ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 20.

¹⁰³ Там же, л. 5.

¹⁰⁴ Там же; Милютин Д.А. Дневник... С. 146.

и распространение»¹⁰⁵. «Опять говорили много, и как всегда, благодаря искусству председателя, все споры и разногласия приведены к нулю, — констатировал Милютин 12 декабря. — Ровно никакого положительного результата, одни фразы и общие места»¹⁰⁶.

Валуеву оставалось доложить Александру II об итогах прошедших заседаний. К 21 декабря доклад был готов. Будучи более чем втрое короче окончательного печатного текста журнала, он, как правило, достаточно точно отражал предложения министров, но в ином порядке и как бы вплетая их в логику собственных рассуждений Петра Александровича¹⁰⁷. Доклад состоял из двух частей: в первой указывалось, что стало «источником беспорядочных движений», а во второй — перечислялись меры, «которые могли бы способствовать» их предотвращению. Причиной волнений признавались «общие недостатки внутреннего быта» высшей школы и «посторонние влияния, усиливающие значение таких недостатков». Тут отмечались и «отсутствие прямой органической связи между учащимися и учащими», и «преобладание коллегиального начала в формах управления», и неудовлетворительное состояние и поведение «профессорских коллегий», и «нерасчётливое и даже иногда неправильное применение разных льгот» (о чём говорилось особенно подробно), и «затруднения, проистекающие от весьма значительного увеличения числа» студентов, и их «утилитарные цели», и, наконец, «отсутствие семейных и гражданских нравов, которые могли бы содействовать начальству разных учебных заведений в деле охранения в них надлежащего порядка»¹⁰⁸.

В намеченной программе действий прежде всего констатировалось, что «пересмотр ныне действующих уставов составляет предмет несомненной потребности» и «давно» входит в планы министра народного просвещения. Предполагалось, «что автономия профессорских коллегий может быть ограничена изъятием из их ведения некоторых дел административно-полицейского свойства и установлением другого порядка назначения профессоров и лиц, занимающих в учебных заведениях административные или полицейские должности» (при особо оговоренном намерении гр. Толстого сохранить выборность профессоров и деканов). Усилить «правительственный контроль за направлением преподавания» следовало «в тех размерах и формах, в каких это будет признано удобным и возможным по особому свойству и строю каждого заведения»¹⁰⁹.

Во избежание «переполнения» аудиторий вновь рекомендовались «правильная строгость приёмных испытаний»¹¹⁰ и «систематическая разборчивость» при предоставлении льгот и пособий, размеры и условия которых оставались, впрочем, прежними, как и плата за обучение (повышавшаяся только для немногочисленных вольнослушателей). Всё же в докладе не отрицалось, что «есть виды службы, например, медицинский, по заявлению министров военного и внутренних дел, и педагогический, по заявлению министра народного просвещения, где недостаток людей очевиден». Начальству училищ предписывалось обращать «надлежащее внимание на действительные учебные нужды учащихся», дабы предотвращать

¹⁰⁵ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 20.

¹⁰⁶ Милютин Д. А. Дневник... С. 148.

¹⁰⁷ ОР РНБ, ф. 874, оп. 2, д. 77. См. также: Георгиевский А. И. Указ. соч. С. 7–11.

¹⁰⁸ ОР РНБ, ф. 874, оп. 2, д. 77, л. 1–3.

¹⁰⁹ Там же, л. 4.

¹¹⁰ Говоря об экзаменах, Валуев напомнил об обязательности соблюдения, казалось, уже давно забытых «общих начал», утверждённых императором «по докладу четырёх министров 1(13) июня сего года». Это едва ли не последнее упоминание о данном документе.

«все домогательства о праве сходок и депутатий», а сами руководители ведомств готовились решительно пресекать «волнения и беспорядки» в случае их возникновения. После перечня уже одобренных «мер» излагались нуждавшиеся ещё в дальнейшей разработке и обсуждении соображения Потапова о необходимости обеспечить «единство действий во всех воспитательных заведениях» и осуществить «соединение в одном ведомстве всех гражданских учебных заведений, не имеющих специальных свойств», а также мысль кн. Урусова о целесообразности изменения юрисдикции общих судов¹¹¹.

Похоже, сложнее всего Валуву было осветить (а точнее — стушевать) споры, касавшиеся «корпоративного устройства учащихся». Не сочувствуя этой идее, но и не желая открыто выступать против военного министра, Пётр Александрович весьма своеобразно очертил его позицию. Так, Милютину приписывалось утверждение, будто, несмотря на «некоторые выгоды», в 1860-е гг. «упразднение корпоративного учебного строя было необходимо», а «возвращение к корпоративным условиям быта учащихся при наших нравах и при том настроении, которое обнаруживается в среде студентов и даже в среде преподавателей, не представляется возможным», и приходится, в полном соответствии с мнением гр. Толстого, «остаться при нынешних началах отдельности отношений каждого студента к тому учебному заведению, в котором он слушает курсы»¹¹².

Не только по милютинскому дневнику, но и по официальному журналу (составленному под руководством того же Валуву) хорошо видно, что Дмитрий Алексеевич упорно отстаивал нечто прямо противоположное. Прекрасно понимая это, 21 декабря Пётр Александрович отправил ему, прося возвратить по прочтении, «только что переписанный проектированный доклад». «До завтрашнего заседания никому его сообщить не могу, — “конфиденциально” уведомлял он, — но на Ваше одобрение всё-таки желалось его представить. Вам, более всех, мы обязаны довольно скорым завершением совещаний. Вы помогли, своим собственным спокойным участием, успокоить разные соседние самолюбия и опасения. Мне кажется, что несмотря на торопливость работы, очерк вышел довольно верный и ясный. На одной из первых страниц я позволил себе вложить в Ваши уста признание невозможности возврата к корпоративному быту. Вы этого так положительно не высказывали; но, по известным Вам предубеждениям, мне это показалось не лишним. В подробном общем журнале все Ваши соображения и объяснения выведены двумя секретарями, с большим старанием и подробно. Вероятно, к завтра успеют перебелить»¹¹³.

О чьих и каких именно «предубеждениях» шла речь, можно только гадать. Но, похоже, Милютин не стал спорить из-за формулировок документа, практическое значение которого считал ничтожным. Гораздо важнее для него была поддержка Валуву в деле о ведомственной принадлежности МХА (только в мае—июне 1875 г. оно было окончательно решено в пользу Военного министерства)¹¹⁴. 22 декабря члены Особого совещания подписали доклад, составленный Валувым, но представлявший от имени их всех, и уже 23 декабря Александр II оставил на нём резолюцию: «Исполнить». Приближались Рождество, Святки, новогодние балы...

Тем не менее едва ли кто-либо из участников Особого совещания мог быть вполне доволен достигнутым результатом. Валув, на пике кажущегося

¹¹¹ Там же, л. 2, 4—6.

¹¹² Там же, л. 1, 4.

¹¹³ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 30, л. 5—6.

¹¹⁴ Милютин Д.А. Дневник... С. 175—187.

шуваловского могущества в 1873 г. инициировавший обсуждение политики в сфере народного просвещения, не сумел добиться изменения её будто бы чрезмерно «демократического» характера. С сочувствием к этому отнёсся лишь Грейг, а против выступили не только либералы Милютин и Рейтерн, но и консервативно настроенные Потапов, Тимашев и гр. Толстой. Милютин, несмотря на частичную поддержку Потапова и гр. Палена, вынужден был временно отказаться от идеи введения в высших учебных заведениях корпоративных начал (он вернётся к ней в 1880–1881 гг. при содействии гр. М.Т. Лорис-Меликова и А.А. Сабурова)¹¹⁵. Толстому пришлось всё же взяться за пересмотр университетского устава – министр оказался между своими злейшими противниками в правительстве и ближайшими сотрудниками в собственном ведомстве, требовавшими одного и того же¹¹⁶. Между тем, по свидетельству Е.М. Феоктистова, «перспектива новой, ещё более упорной борьбы приводила его в трепет». Не случайно в том же 1874 г. в майском докладе «четырёх министров» ни о каких преобразованиях в университетах не упоминалось. И неудивительно, что «граф Дмитрий Андреевич не спешил облечься в бранные доспехи»¹¹⁷: в апреле 1875 г. начала работу Деляновская комиссия, в 1879 г. последовала реорганизация инспекции, а проект нового устава поступил в Государственный совет только в феврале 1880 г., где и пролежал до увольнения Толстого от должности 18 апреля, после чего был возвращён его преемнику – Сабурову, который резко сменил курс и выступил за создание в университетах легальных студенческих организаций взаимопомощи и т.п.¹¹⁸

При этом характерно, что отмена университетской автономии не рассматривалась в середине 1870-х гг. как отступление от принципов Великих реформ, а либеральные бюрократы – Рейтерн и особенно Милютин – настаивали на ограничении полномочий профессорских советов едва ли не решительнее других министров. В целом же, реальная политика самодержавия в высшей школе вовсе не определялась борьбой «либеральных» и «консервативных» убеждений, хотя у сановников были, конечно, свои предпочтения (нередко весьма эклектичные). Гораздо сильнее на неё влияли политические амбиции, личные столкновения и особенно – ведомственные противоречия и сугубо прагматичные соображения, в частности, наличие или отсутствие потребности в специалистах соответствующего профиля. Но, так или иначе, отсутствие единства и согласованности действий фактически приводило к параличу власти в критически важной для государства отрасли управления, обеспечивавшей пополнение правительственного аппарата. Сановники середины 1870-х гг. не склонны были преувеличивать масштаб и опасность студенческих волнений (и скорее использовали их в своих конфликтах), но не могли не видеть проявлявшегося в них отсутствия сколько-нибудь надёжных форм и способов влияния на учащихся и учащихся.

¹¹⁵Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 237–238; 252–256; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 269–283.

¹¹⁶Именно поэтому Георгиевский позднее упорно отрицал «практические последствия» «предначертаний» Особого совещания и утверждал, что все решения принимались непосредственно в министерстве, т.е. им и его единомышленниками (*Георгиевский А.И.* Указ. соч. С. 11).

¹¹⁷*Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 187–190.

¹¹⁸*Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 503–504.